

2-е изд. – СПб. : Питер, 2007. С.-85 –110. 6. *Кондрашин, И.* Национальная философская энциклопедия. Глоссарий философских терминов [Электронный ресурс] / И. Кондрашин. – Режим доступа: <http://terme.ru/dictionary/195/word/%DD%EC%EE%F6%E8%E8>. 7. *Петрунина, Я.А.* Проблема диалектики эмоций и власти в истории философии [Текст] / Яна Александровна Петрунина // Гуманитарный часопис: Збірник наукових праць. – Х. : ХАІ, 2008. – № 2 – С 40 - 53. 8. *Рубинштейн, С.Л.* Основы общей психологии [Текст] / Сергей Леонидович Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2001. – С. 551 - 587. 9. *Симонов, П.В.* Высшая нервная деятельность человека [Электронный ресурс] / Павел Васильевич Симонов. – М., 1975. – Режим доступа: <http://thegreenroom.ru/text/1096>. 10. *Тхостов, А.Ш.* Теоретические и экспериментальные исследования. Феноменология эмоциональных явлений [Электронный ресурс] / А.Ш. Тхостов, И.Г. Колымба. – Режим доступа: <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1156852&uri=index.htm>. 11. *Шингаров, Г.Х.* Эмоции и чувства как форма отражения действительности [Текст] / Г.Х. Шингаров. М.: Наука, 1971. С. 16—28 и 156.

Поступила в редколлегию 15.03.2009

Рецензент: докт. филос.наук, проф. О.П. Проценко

УДК 1(091)(470)+130.2

Н.В. ЧЕКЕР, ассистент, Луганский национальный аграрный университет

ПРОБЛЕМА ТВОРЧЕСТВА В ФИЛОСОФИИ Н.А. БЕРДЯЕВА

В статье рассматривается специфика раскрытия проблемы творчества в философском наследии Н.А. Бердяева. Дается анализ концептуальных особенностей и мыслительных процедур философствования Н.А. Бердяева. В статье использованы материалы 19 литературных источников.

Ключевые слова: творчество, «круговое» мышление, смысл, протоформа.

У статті розглянуто специфіку розкриття проблеми творчості у філософській спадщині М.О. Бердяєва. Дасться аналіз концептуальних особливостей і розумових процедур філософствування М.О. Бердяєва. У статті використані матеріали 19 літературних джерел.

Ключові слова: творчість, «кругове» мислення, смисл, протоформа.

The article deals with the specificity of disclosing of the problem of creativity in the philosophical heritage of N. A. Berdyaev. The author gives an analysis of conceptual features and cogitative procedures of philosophizing of Russian thinker. The article is based on the materials of 19 literary sources.

Keywords: creativity, “circular” thinking, meaning, protoform.

Обращение к теме творчества и её раскрытию в философских трудах Н.А. Бердяева актуально в связи с особой смысловой акцентированностью данной тематики в религиозно-антропологической концепции мыслителя. Пристальное её рассмотрение даёт духовные силы для противостояния технократическим, обезличивающе-прагматическим тенденциям современности, задаёт ориентиры для плодотворных философских исканий. Безусловно, предлагаемое исследование не претендует на исчерпывающий

анализ, но как писал величайший христианский мыслитель Аврелий Августин: «Давайте искать подобно тем, которые находят; и давайте находить подобно тем, которые всё ещё должны продолжать поиск» [15, с.228].

Целью статьи является определение специфики раскрытия проблемы творчества в философском наследии Н.А. Бердяева. Из этого вытекают следующие задачи:

- рассмотреть круг основных вопросов, решаемых Бердяевым в его концепции творчества;
- выявить специфику раскрытия темы творчества русским философом;
- исследовать специфику мыслительных процедур, применяемых Бердяевым в ходе философского поиска и их влияние на результирующие концептуальные решения.

Изучению проблемы творчества в философии Н.А. Бердяева посвящено множество исследований. Уже современные Бердяеву мыслители обращают внимание на самобытность его концептуальных подходов. С критикой взглядов философа выступал, например, В. Иванов, утверждавший глубокое несоответствие с ортодоксальной христианской доктриной представлений Бердяева, у которого «человек творит одновременно через Бога и без Бога» [13]. Другой современник Бердяева, Е. Лундберг, в своей статье «Творчество как спасение» подвергает критике идею творческого откровения человека, полагая, что тем самым мыслитель «говорит за Бога» [14], пренебрегая усилием в постижении Божественной воли. Младший современник Бердяева В. Зеньковский также с глубоким вниманием отнёсся к его концепции творчества, отмечая как её положительный аспект разработку активного творческого христианского мироотношения [11; 12].

Интересно подходят к рассмотрению темы творчества в философском наследии Бердяева современные исследователи, среди которых можно отметить работы Р. А. Гальцевой, Т.А. Двуреченской, М.В. Силантьевой, А.А. Ермичева [6; 8; 9; 17]. Комплексный взгляд на специфику религиозной философии Н.А. Бердяева представлен в исследовании С.А. Титаренко [19]. Оригинальная интерпретация проблемы творчества у Бердяева дана в работах современных западных исследователей Ж.К. Маркаде, М. Валлона, Ф. Нуко. Авторы как правило достаточно односторонне и тенденциозно относятся к рассмотрению данной тематики, что открывает возможности для продолжения исследовательских изысканий.

Тема творчества центральна в философии Бердяева. Творчество понимается русским философом как сотрудничество человека и Бога. У христианского мыслителя Августина Блаженного есть высказывание: «Люби и твори что хочешь» (*dilige et quod vis fac*) [16, с.104]. В унисон этой мысли Бердяев утверждает, что при правильной установке человеческого сознания на единение с Богом, при обращенности человеческого духа к Богу в любви,

человек способен раскрыть свой творческий потенциал истинно, то есть не во зло. Поэтому нет правил, нет четких норм для творчества. Отсюда же вытекает, согласно Бердяеву, таинственное молчание о творчестве в Новом Завете.

Творчество есть дар божий. Оно есть даровая потенция каждой человеческой личности, свидетельствующая о том, что человек создан по образу и подобию Бога-творца. Творчество, утверждает Бердяев, это не то, что добывается трудом и потом. Оно неравномерно, иерархично, аристократично, и потому закрепляет неравенство в мире.

Творчество – это человеческое действие, отклик человека Богу, а не божественное делание в человеке, не пассивное восприятие божественных энергий и не воссоздание, воплощение предзаданных образцов. «Бог ждёт от человека творческого акта как ответа человека на творческий акт Бога» [2, с.209]. «Бог ждет от человека свободного ответа на свой зов, ждет ответной любви и творческого соучастия в одолении тьмы небытия. Человек должен проявить величайшую активность своего духа, величайшее напряжение своей свободы, чтобы исполнить то, чего Бог от него ждет» [4, с.141]. В этом смысле творчество не предопределено. И поэтому «тайна творчества есть тайна свободы» [3, с.178].

Рассуждая о творчестве, Бердяев по сути, решает предельные, «проклятые» вопросы о свободе и смысле жизни. По этой причине философа мало интересуют частные «механизмы» протекания творческой деятельности. Зачем рассматривать детально, структурно творческий процесс, зачем концентрировать усилия на его объяснении, обосновании, если, по-большому счёту, обосновать – значит оправдать, а главная мысль Бердяева в том и заключается, что творчество не нуждается в оправдании? В работе «Самопознание» Бердяев признаётся: «Я совсем не ставил вопроса об оправдании творчества, я ставил вопрос об оправдании творчеством. Творчество не нуждается в оправдании, оно оправдывает человека, оно есть антроподицея» [2, с.208]. Творчество есть возможность постижения и достижения смысла. Оно – неизбежное человеческое достояние, способность, пользуясь которой человек получает оправдание. Смысл жизни – в полноте творчества. Этот смысл не может быть достижением какого-либо состояния, с последующей остановкой. Поэтому, в частности, не может быть какой-то предзаданной конечной идеи-результата человеческой жизни. Видеть смысл движения в остановке, это всё равно, что говорить о бессмысленности движения как такового.

Как осуществима полнота творчества? С одной стороны, через усилия, направленные на исчерпание предельных возможностей; с другой стороны, полнота – это единство, «соборность», «снятие» непримиримых противоположностей. В этом смысле небезынтересно обратить внимание на мыслительный процесс, особенности творческого поиска самого Бердяева.

Исследователь творчества русского философа С.А. Титаренко предлагает очень интересную объяснительную модель для интерпретации мыслительных процедур Бердяева, именуемую им термином «бриколяж». Суть её в следующем: идейное пространство поиска конструируется в биполярной перспективе, каждому идейному конструкту каждой реальности, попадающей в поле мыслительного поиска, противопоставляется антагонистический конструкт, противоположная реальность. При этом одна из полярностей изначально принимается как положительная, а другая приобретает противоположное значение. Процесс поиска напоминает движение между полюсами окольным путём, при этом смысл рождается в ходе этих блужданий как нечто третье [19, с.61].

Изначальное «разведение» противоположных реальностей у Бердяева представляет собой именно предельное заострение бинарных оппозиций, в сумме с последующими «окольными блужданиями» между ними – это и есть своего рода исчерпание возможностей. Результирующий смысл предстает в виде «снятия» бинарных оппозиций. Такое мышление можно назвать «круговым» мышлением. Так как круг – это совокупность диаметрально противоположных точек, потенциально стягиваемых в единую, «соборную» точку, – центр круга. Кроме того, круг, в отличие от окружности имеет «внутреннее поле», включающее совокупность движений между крайними точками, разнообразных по траектории и направлению.

Как уже было сказано, творчество, согласно Бердяеву, есть проявление человеческой свободы. В этой связи следует более подробно остановиться на представлениях философа о свободе. Свобода – одно из самых предельных понятий в философии Бердяева. То есть, если существует свобода, то это должно означать, что в своей сути она характеризуется неким чистым, беспримесным бытием, иначе говоря, не может быть чем-либо ограничена. Потому что, в противном случае, это уже не свобода, а смесь свободы с чем-то ещё (с необходимостью, с предопределением) и, опять таки, из этой смеси свобода в чистом виде потенциально извлекаема. Поэтому, например, разработанная Августином (в работах «О свободной воле», «О благодати и свободной воле», «Рассуждения на Послание Иоанна к Парфянам», «О Граде Божьем» и др.) сложная система согласования предельного предопределения и актуальной свободы в судьбе человека, для Бердяева катастрофически неприемлема. И на самом деле приведённое в начале статьи высказывание Августина, содержащееся в его «Рассуждениях на Послание Иоанна к Парфянам» (Трактат VII, 8), лишь внешне подобно представлениям русского мыслителя. Согласно Августину человек полностью зависим от Бога, но это не рабская зависимость, если в человеческом сердце живёт любовь к Богу. Потому что любовь и рабство вещи несовместимые. Если любовь истинная, то Господь дарует силы, и всё будет так, как человек захочет. Потому что желания человеческие, в этом случае, созвучны и сопричастны воле Божьей.

Утверждение свободы человека для Бердяева является важнейшим. Откуда возможна эта свобода? Во-первых, Бердяев полностью принимает христианскую мысль о том, что человек создан по образу и подобию Бога-творца, то есть, человеческий дух есть непосредственно божественное дарование, вдохновение. Как сказано в Библии: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и *вдунул* в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» [5, Быт. 2, 7]. Бердяев истолковывает это таким образом, что вместе с дыханием человек получает нечто божественное, сродственное Богу, как безграничную возможность творческого совершенствования. Именно безграничную, потому что она происходит непосредственно от Бога. А как от Бога может произойти что-либо ограниченное? Вследствие этого человеческий дух абсолютно свободен в своих творческих свершениях.

Во-вторых, Бердяев христиански осмысливает свободу как возможность выбора, в том числе и неправильного, как объяснительный принцип возможности грехопадения и зла. Здесь он обращается к понятию «Ungrund» немецкого мистика Якова Бёме, которое переводит как «Безосновное», «Ничто». Согласно взглядам позднего Бердяева «Безосновное» – это первичный хаос, неопределенность из которого выделяется сначала Бог как Абсолют, как некий сгусток совершенства, и далее, из него же, как из «ничего» Бог творит мир и человека. Сотворенность из «ничего» привносит некоторую «ничтожность», неопределённость, неупорядоченность в природу мира и человека. В этом внутренняя родственность, подобие человека (который потенциально есть микрокосм) и мира (который потенциально есть космос). Собственно и грехопадение Бердяев объясняет как актуализацию неопределённости, разобщения, как разрушение (точнее забвение) духовного родства мира и человека, в результате которого мир распадается на противостоящие человеку объекты, и воспринимается человеком как объективная необходимость. То есть, изначально, после сотворения, человек пребывал в «сочувственном», «участном» отношении к миру. Это пребывание было естественно-благоприятным для человека, но не совершенным, потому что существовали другие возможности. Возможность – это потенция действительности, и полнота действительности достигаема исчерпанием возможностей. Поэтому Бердяев говорит о неизбежности грехопадения, о его необходимости. Вкушение людьми плодов «древа познания добра и зла» символизирует их переход в отстранённую позицию по отношению к миру, дистанцирование от него. Отсюда принятие искушения, заключённого в словах змия: «Будете, как Боги», то есть желание стать над миром, обрести над ним власть, которое в конечном итоге приводит к противоположному результату – подавленности человеческого существования тяжестью противостоящего ему «мира».

Бердяев соглашается с мыслью о том, что подобное познается подобным, выводя из нее следствие, что подобное может быть осмысленно, то есть подвержено смысловому преобразению, гармонизации со стороны подобного. И отсюда выходящий за рамки христианской теологии парадоксальный вывод – Бог, вследствие своего совершенства, не способен преобразовать несовершенство мира, завершить творение, доустроить его до космического состояния. В этом основная творческая задача человека, его миссия.

Истинное творчество характеризуемо Бердяевым как не-вещное отношение к миру и, потому, осмысление его и диалог с ним. Как тут не вспомнить высказывание другого русского мыслителя, М. М. Бахтина: «Отношение к вещи (в её чистой вещности) не может быть диалогическим (то есть не может быть беседой, спором, согласием и т. п.). Отношение к смыслу всегда диалогично. Само понимание уже диалогично. Овеществление смысла (осуществляется – *прим. автора*), чтобы включить его в каузальный ряд» [1, с.300]. Взгляды Бердяева в этом вопросе очень сходны. Поэтому, в частности, научная деятельность определяется Бердяевым как нетворческая.

Творчество есть подвиг. Оно по сути своей жертвенно, так как есть преобразование и превозможение «мира» (мира в его падшем состоянии), отвращение от «мира сего» к миру горнему. Поэтому творчество согласно Бердяеву противостоит приспособлению и покорности сложившимся, установившимся порядкам (в том числе и церковным). Творчество – это дерзновение, но оно не эгоистично и не анархично, если направляется любовью. В этом случае оно есть сотрудничество человека с Богом в деле устройства мира в космос, и приводит к обожению человека.

Такое предельное, окончательное творчество (Бердяев говорит о грядущей творческой эпохе) сверхкультурно. Культура, искусство – символичны, не бытийственны, не совершенны. Они – лишь знаки, проблески будущего совершенства. Так как согласно Бердяеву (и здесь он солидаризируется с марксизмом, который считает достаточно полноценной социологической теорией) особенности культуры во многом обусловлены социально-экономическими факторами, то есть укоренены в падшем состоянии мира. Поэтому культуру должно превозмочь и преобразить, как и мир в целом.

Следует отметить, что рассуждения Бердяева о творчестве носят не строго логический характер. Тема творчества для Бердяева глубоко личностна, экзистенциальна, поэтому не может быть просто рационально сконструирована. Она переживаема и мистически, интуитивно «схватываема». Отсюда опора не на жесткую, двузначную логику. Логическое (строго логическое) мышление вообще имеет субъект-объектную структуру. По Бердяеву же раздельное «противостояние» субъекта и объекта есть выражение объективации – следствие грехопадения, нарушенной

целостности, не-космичности, не-соборности мироздания. Поэтому логическое мышление – адекватный инструмент лишь для науки, как для нетворческого, приспособительного постижения мира (и таким образом закрепления его падшего состояния). Истинное философствование, как считает Бердяев, должно быть экзистенциально и персоналистично и должно опираться не на систему логико-понятийных связей, а на некое рационально-иррациональное целостное, субъективированное постижение.

Принимая (изначально) бинарные оппозиции, Бердяев пытается их исчерпать как возможности. В этом можно усмотреть нечто иное, но в конечном смысле аналогичное постмодернистской практике деконструкции Ж. Деррида.¹ Результирующий же смысл не выводит логически, он именно интуитивно «схватываем». Он есть выбор как осуществление свободы, как её актуализация. Очень важно подчеркнуть, что это именно выбор, а не «выбирание». «Выбирание» предполагает сомнение, доказывание, построение строгих логических цепочек, что подавляет свободу, мешает творческому осуществлению. То есть, в отличие от логического мышления, для мышления Бердяева бинарные оппозиции нужны, чтобы их преодолеть, чтобы в конечном итоге от них оттолкнуться, а не завершить ими построение системы.

Посмотрим на проблему и с другой стороны. Исчерпание возможностей, для Бердяева, – это именно способ достижения полноты, а не путь осознания человеком своей ничтожности и «несоразмерности» Богу, это доказательство того, что человек способен преодолеть зло и ничтожность. Иначе, считает Бердяев, существование, а, следовательно, и творение Богом человека бессмысленно. Но Бог, как Абсолют, не может создавать бессмысленно. Поэтому для Бердяева не приемлема мысль о том, что человек способен быть лишь более или менее совершенным «музыкальным инструментом» в руках Бога. Так как в этом случае человек не обладает свободой и не может быть образом и подобием Бога.

Мышление Бердяева противоречиво-динамично, иначе говоря, не понятийно, а сверхпонятийно, протоформично. Раскроем смысл последней характеристики. Термин «протоформа мышления» был разработан советским философом Д.А. Ждановым для описания единиц особого уровня мышления, соединяющего в себе элементы образности и абстрактности. «Протоформа» как единица мысли является промежуточной ступенью в развитии мысли от представления к понятию. Согласно Д.А. Жданову «протоформы» возможны и в зрелом мышлении современного человека, если это мышление оперирует единичными целостными образами, не расчленёнными на элементы и включающими в одно мыслимое содержание субъект, предикат и их взаимоотношения [10, с.109]. Для характеристики специфики мышления Н.А. Бердяева данный термин впервые применен С.А. Титаренко [19, с.27-39].

Протоформность мышления конституируется его антропологизмом, что характерно как для дологического, так и для постлогического мышления. Дологическое мышление антропоморфно, то есть неосознанно антропологично, так как человек видит себя в зеркале природы, но ещё не осознаёт себя в полной мере, как личность. Доказательная база христианства во многом строилась на развенчании скрытой антропологичности язычества, и противопоставлении ей тео-логичности. Эпоха Возрождения – своего рода антропологический поворот, но он часто выявляем в некоей нездоровой конкуренции человека с Богом. Новое время, по-сути, логоцентрично, до забвения и теологичности, и антропологичности. Поэтому Бердяев провозглашает новый антропологический поворот, но такой, при котором противоречие между антропологичностью и теологичностью снимается через диалогичность. И образ Христа рассматривается Бердяевым, прежде всего, как диалогичный, в своей божественно-человеческой природе. Отсюда обращённость мыслителя к мистической традиции и к мистическому опыту.

В «Смысле творчества» философ пишет: «Через Христа Бог перестаёт быть для нас хозяином, господином и повелителем и промысел Божий перестаёт быть самодержавием. Начинается внутренняя, совместная, интимная жизнь человека с Богом, сознательная причастность человека к Божественной природе» [3, с.167]. Как видно Бердяев приходит к осознанному антропологизму, с опорой на сознание, обращённое на внутренний, неотчуждённый диалог с Богом и миром. Такое сознание оформляемо не абстрактными понятиями, а целостными экзистенциалами – протоформами мышления. Сам Бердяев отмечает в «Философии свободного духа»: «Традиционное катафатическое богословие было подавлено мышлением в рациональных понятиях, и потому для него оставалась закрытой внутренняя жизнь Божества, из которой только и постижимо творение мира и человека, т. е. отношение Бога к своему другому» [4, с.130]. И далее: «Отношения между Богом и человеком в высшей степени живые и интимные отношения, конкретная драма любви и свободы. Такой живой персонализм всегда бывает мифологичен. Встреча Бога с человеком есть мифологема, а не философема» [4, с.133]. Отсюда выразительная образность и афористичность строя философских произведений Бердяева, что сближает их с интенциями мифологического, поэтического мышления у Хайдеггера и в философских концепциях постмодернизма.

Сделаем вывод. Специфичность рассмотрения проблемы творчества в философии Н.А. Бердяева, на наш взгляд, сводится к следующим основным положениям:

- творчество понимается как сотрудничество человека с Богом, роль человека в котором носит активный и свободный характер;
- творчество в своей полноте реализуемо как предельное исчерпание возможностей, результирующее в «снятии» бинарных оппозиций;

– творчество понимается как духовный подвиг, направленный на смысловое преобразование мира и человека;
полнота реализации творческого мышления максимально выразима через протоформность и диалогическую антропологичность творческого сознания.

Список литературы: 1. *Бахтин, М.М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа [Текст] / Михаил Михайлович Бахтин // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров ; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина ; примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. – М. : Искусство, 1979. – 424 с. – (Из истории сов. эстетики и теории искусства). – С. 300. 2. *Бердяев, Н.А.* Самопознание (Опыт философской автобиографии) [Текст] / Николай Бердяев ; сост., предисл., подг. текстов, ком. А. В. Вадимовна. – М. : Книга, 1991. – 448 с. 3. *Бердяев, Н.* Смысл творчества [Текст] / Николай Бердяев. – М. : АСТ : АСТ МОСКВА : ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 414 с. – (Философия, Психология). 4. *Бердяев, Н.А.* Философия свободного духа [Электронный ресурс] / Николай Бердяев. – М. : Республика, 1994. – 480 с. – Режим доступа : http://www.krotov.info/library/02_b/berdyayev/1927_23_00.html. 5. *Библия.* Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе с приложениями ; Синодальный перевод Библии [Текст]. – М. : Изд-во Моск. Патриархии, 1989. – 2536 с. 6. *Гальцева, Р.А.* Николай Бердяев – философ творчества и теоретик культуры [Текст] / Р. А. Гальцева // Н.А. Бердяев. Философия творчества, культуры и искусства. – Т.1 / предисл. Р. А. Гальцевой. – М. : Искусство, Лига, 1994. – 542 с. 7. *Горных, А.А.* Деконструкция [Текст] / А.А. Горных, А.А. Грицанов // Постмодернизм. Энциклопедия / сост. и науч. редакторы А. А. Грицанов, М. А. Можейко. – Мн. : Интерпрессервис ; Книжный Дом, 2001. – 1040 с. – (Мир энциклопедий). – С. 197. 8. *Двуреченская, Т.А.* Философские взгляды В.С. Соловьева и Н.А. Бердяева [Текст] / Т.А. Двуреченская. – М. : МИФИ, 2001. – 48 с. 9. *Ермичев, А.А.* Творчество и культура в философии Н.А. Бердяева [Текст] / А.А. Ермичев // Религия и свободомыслие в культурно-историческом процессе : межвуз. сб. / под ред. проф. С.Н. Савельева. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1991. – 183 с. – С. 106 – 116. 10. *Жданов, Д.А.* Возникновение абстрактного мышления [Текст] / Дмитрий Жданов. – Х. : Изд-во Харьк. ун-та, 1969. – 176 с. 11. *Зеньковский, В.В.* История русской философии [Текст] / Василий Зеньковский. – М. : Академический Проект, Раритет, 2001. – 880 с. 12. *Зеньковский, В.В.* Проблема творчества. По поводу книги Н.А. Бердяева «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» [Текст] / В.В. Зеньковский // Н.А. Бердяев: pro et contra. Кн. 1 / сост., вступ. ст. и прим. А. А. Ермичева. – СПб. : РХГИ, 1994. – 573 с. – С. 284 – 305. – (Русский путь, т. 1). 13. *Иванов, Вяч.* Старая или новая вера? [Текст] / В. И. Иванов // Н. А. Бердяев: pro et contra. Кн. 1 / сост., вступ. ст. и прим. А. А. Ермичева. – СПб. : РХГИ, 1994. – 573 с. 14. *Лундберг, Е.* Творчество как спасение [Текст] / Е. Лундберг // Мысль и слово : Философский ежегодник. – Т. I / под ред. Г. Г. Шпета. – М., 1917. – С. 277 – 296. 15. *Майоров, Г.Г.* Формирование средневековой философии (латинская патристика) [Текст] / Геннадий Георгиевич Майоров. – М. : Мысль, 1979. – 431 с. 16. *Пустовит, А.В.* Этика и эстетика: Наследие Запада. История красоты и добра : учеб. пособие [Текст] / А.В. Пустовит. – К. : МАУП, 2006. – 680 с. 17. *Силантьева, М.В.* Н.А. Бердяев: проблема личности как ключ к философии языка [Электронный ресурс] / М. В. Силантьева. – Режим доступа : http://old.mgimo.ru/kf/docs/silantieva_personality_problem.htm. 18. *Соколов В. В.* Средневековая философия : учеб. пособие для филос. фак. и отделений ун-тов [Текст] / Василий Васильевич Соколов. – М. : Высш. школа, 1979. – 448 с. 19. *Титаренко, С.А.* Специфика религиозной философии Н.А. Бердяева [Текст] / С.А. Титаренко ; науч. ред. Г. В. Драч ; Ростов. гос. ун-т. – Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 2006. – 288 с.

Поступила в редколлегию: 10.04.2009

Рецензент: докт. филос. наук, проф. И.З.Цехмистро